

Первый этап – конец 1980-х годов. 1990-е годы. Это фаза самоидентификации казаков, консолидации казаков и формирования казачьих объединений.

Второй этап казачьего возрождения восходит к 26 апреля 1991 года. В этот день председатель Верховного Совета РСФСР Б. Ельцин подписал закон «О реабилитации угнетенных народов», который стал правовой основой деятельности общественных казачьих организаций. Согласно ст. 2 закона, казачество было признано угнетенным исторически развитым культурным и этническим сообществом людей.

Третий этап возрождения казачества начинается с принятия Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 3 июля 2008 года новой Концепции государственной политики Российской Федерации в отношении российских казаков, поднимающей эту работу на качественно новый уровень официального возрождения современного российского казачества.

Можно бесконечно говорить о вкладе казачества в русскую историю. Они были надеждой и опорой в самый сложный для России период. Казаки, как никто другой, сохранили древние военные и общинные традиции славян, а также другие традиции. В этих традициях раскрывается Душа русского человека. В заключение нельзя не вспомнить слова великого писателя Льва Толстого, который писал в 1870 году: «Вся история России сделана казаками».

Примечания:

1. Гордеев А.А. История казачества – Москва. Вече, 2006. – 640 с.
2. Казачество. Энциклопедия. – Москва. ООО Издательство «Энциклопедия», 2008. -720 с.
3. Черников В.В. Казачество в истории России. Москва. Айрис – пресс, 2013. – 160 с.

К.В. Скиба
(г. Армавир)

КАЗАКИ ХОПЁРСКОГО ЛИНЕЙНОГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА НА СТРАНИЦАХ ПЬЕСЫ ВАСИЛИЯ ЧИКОВА «ХОПЁРЦЫ В ПОРУ ЗАВОЕВАНИЯ КУБАНИ»

1910-е годы. Кубанская область. Все больше и все очевиднее стала проступать следующая социальная ситуация – после окончания Кавказской войны в 1864 году, с тех пор, когда кубанские казаки перестали постоянно, всю жизнь воевать, начала размываться и уходить в прошлое прежняя казачья воинская культура. Бурными темпами шло экономическое «расказачивание» – движение кубанских казаков «от природных воинов к зажиточным фермерам».

Местные власти, особенно казачья верхушка – офицеры и генералы, гражданские чиновники, все это прекрасно видели и понимали. И, как ответная реакция на подобные процессы в казачьей среде, в деятельности руководства Кубанского казачьего войска отчетливо проявилась так называемая «казакофильская тенденция». Особенно заметной она стала после вступления в должность Наказного атамана и Начальника Кубанской области генерала Михаила Бабыча в 1908 году. Для него было совершенно ясно, что если не поддержать в кубанцах «дух казачества», их культурные и исторические традиции, то Кубанскому казачьему войску как воинской организации рано или поздно придет конец.

Слишком очевидным стало то, что к началу XX века историческая роль казаков как пограничных стражей Империи была уже исчерпана, все чаще, вплоть до высших военных чинов и окружения царя Николая Второго, стали раздаваться голоса о том, что казачьи войска пора реорганизовывать, вплоть до их роспуска. Особенно это касалось таких казачьих войск, как Донское, Кубанское и Терское, земли которых оказались далеко от новых пограничных рубежей Российской Империи.

Но, и это вполне естественно, видным и состоятельным представителям казачьих родов очень хотелось такого конца избежать...

Но как это сделать? Как вернуть казакам «воинский дух»? Разными способами, «физическим и духовным здоровьем». Так, например, учреждая своим приказом за № 339 от 24 ноября 1910 года ежегодные станичные маневры для «льготных казаков» и школьников-казачат, атаман Бабыч обращался к Войску с такими горячими словами:

«Кубанцы! К вам обращаюсь со своим Атаманским словом. Выслушайте внимательно! Казачество – теперь нелепость! Оно отжило свой век! Отслужило свою службу! и т. д. Вот что приходится теперь часто слышать, часто читать! Раздаются даже голоса и за то, что следовало бы вовсе уничтожить казачество, так как казаков, в сущности, нет, ибо нынешние казаки – те же мужики!

Больно, грустно и обидно сердцу казачьему! Невтерпеж переносить все это, тем более что знаю, что это неверно! Знаю, дорогие мне Кубанцы, что это не так! Знаю, что все эти нападки, все обвинения казачества несправедливы, что и в нынешних казаках жив, силен и крепок дух любви их к военному делу – тот дух, что водил отцов, дедов и прадедов наших к великим победам, что сковал казачеству громкую славу!» [1].

Что же касается «духовного здоровья», то именно тогда был «вознесен на пьедестал» местный казачий драматург Гаврила Доброскок. Для того чтобы его пьесы «Казачьи прадеды» и «Сечевой орел» увидели больше зрителей, даже приспособили специальный театр-вагон, кочевавший от станции к станции, где для окрестных жителей показывались спектакли [2, с. 17-22]. Этой же цели возрождения казачества служило и открытие в Екатеринодаре памятника Екатерине Великой, работа по созданию свода кубанского казачьего фольклора, новый расцвет Кубанского войскового певческого хора, деятельность «Кубанского общества любителей изучения казачества», написание Федором Щербиной двух томов «Истории Кубанского казачьего войска» (третий том выйти в свет не успел).

И, надо сказать, что этот запал, разожженный атаманом Бабычем, имел свои результаты. Но у него был один существенный минус – в этой деятельности была слишком заметна «черноморская направленность», поэтому она доходила далеко не до всех казаков, живших в Кубанской области и служивших в Кубанском казачьем войске.

Чтобы исправить эту ситуацию, вслед за «черноморскими» пьесами Гаврилы Доброскока, свою историческую театральную пьесу из старинной жизни линейных казаков, написал полковник Василий Егорович Чиков (1855-1919), родившийся в 1855 году в станице Воровсколеской и много лет отдавший службе в Кубанском казачьем войске. В 1915 году в городе Екатеринодаре была издана небольшая книжка с его стихотворной пьесой «Хопёрцы в пору завоевания Кубани (военно-бытовые картинки)», в основу которой легли реальные события, происходившие в казачьей станице Баталпашинской и ее окрестностях в 1850-х годах [3]. Мы познакомим наших читателей с ее наиболее характерными фрагментами.

1. А ты, верный казак, не стыдися. Что творит храбрый враг – поучися...

В одном из разделов пьесы, после описания нападения горцев на станицу Воровсколескую, где неприятель «повыбил жен и бил детей», следует рассказ о том, как казаки перехватили горцев на обратном пути и «...Побили всех до одного, А ины побились сами». Когда один из казаков поинтересовался у урядника, который вел рассказ, о том, как это произошло, то получил следующий ответ:

Вот этак-то оно и было:

Когда с постов нам дали знать,

Мол, черкес начал шалить,

Мы на конь – и ну скакать;

Настигли и давай рубить!

Мы их в шоры и кружить,

А они все на Джелгу. А дальше, право же, не лгу

Орда, что дети во игрушки,

Бросались в пропасть, как галушки.

Невмоготу уж видно жить.

И я видал: на дне оврага

Уже не люд, а кровь и багра...

Вот и овраг с тех пор назван не Джелга – Джелга-Яман...

Здесь же автор пьесы дал следующее пояснение: «На реке Кубани, с правой ее стороны, между станицами Баталпашинской и Беломечетской стоит отвесный овраг до 200 саженой высоты, называется он Джелга-Яман (Яман-Джелга тоже); название татарское, по-русски означает «скверная

дорога». Это название оврагу, как гласит предание, дано по следующему случаю. Казаки, в одной стычке преследуя горцев, отрезали им пути отступления; горцы тогда делают такой излюбленный ими в критические минуты в горах прием – набрасывают на глаза лошадям бурку, для того, чтобы они впереди себя ничего не видели, разгоняют их во всю быстроту и бросаются с обрыва в пропасть, где сами и лошади их разбиваются вдребезги, но врагу своему живыми в руки не отдаются.

Хопёрцы, отдавая должное врагу своему в его достоинствах, сочинили и пели песню, касающуюся этого трагического случая. Полностью ее отыскать мне пока не удалось, но одну характерную строфу, добытую мною, привожу:

И покрыл их свят плащ Магомета
За презренье всех благ сего света.
А ты, верный казак, не стыдися,
Что творит храбрый враг – поучися...»

2. Дед автора сей повести был одним из маленьких героев, отсидевшихся в свином бастионе за жирным туловищем кабана...

Упомянув разгром горского скопища, напавшего на станицу Воровсколесскую, теперь мы расскажем о том, как в пьесе было описано нападение на саму станицу. Но перед этим мы приведем сведения из хроники Кавказской войны о том, что «...наиболее жестокому разорению станица Воровсколесская подвергалась в 1804, 1807 и 1821 годах». И, в конце концов, была упразднена, а ее жители переселились в станицу Баталпашинскую. Заново станица была восстановлена и заселена в 1849 году [4, с. 70-71].

А вот еще – где хуже вдвое.
В Воровсколесском наш злодей
Повыбил жен и бил детей.
Мужчины – кто с ружьем, кто с палкой
Отбивались в пол-горы,
Черкесы Дунькиною балкой
Стремглав ворвались во дворы.
Кому с жен голову срубили,
Кому кинжал в сердце всадили.
Пощад и детям не давали
На кол как кочаны сажали...

Следом, после описания кровавых жестокостей, которые учинили закубанцы на улицах станицы, разговор казаков коснулся одной казачки по прозвищу Чичиха. Это была родная прабабка автора пьесы Василия Чикова.

А вот Чичиху ты ведь знал?
Да раза три, поди, видал:
Раз в церковь шла, а раз с секрета,
Да раз еще не помню где-то.
Ее застанешь разве праздну:
Как свет – она уже в заботе,
То бабье дело правит резко,
То на часах, как муж в работе.
Так вот она сообразила:
С собою деток посадила
Среди двора в свинячий кут,
Куда черкесы не войдут...
Да так и вышла без урону,
Хоть татарва их и видала,
Но, басурмански, по закону,
Кругом на выстрел обегала.

К этому фрагменту В. Чиков дал следующие пояснения: «По религиозным верованиям черкесы к свинине не приближаются» и «Дед автора сей повести был одним из маленьких героев, отсидевшихся в свином бастионе за жирным туловищем кабана именно в этом случае».

Вот так казачка Чичиха, прабабушка Василия Чикова, которая и за мужа могла постоять в секрете на станичной ограде, спасла себя и своих детей, засев в оборону от черкесов в импровизированном «свином бастионе». А раз черкесы обегали их «кругом на выстрел», то в ее руках было и ружье...

3. Была она, что называется, герой-баба, которая в удали не отставала от казака...

Героиней третьего фрагмента повести была казачка станицы Баталпашинской Дарья Фенёва, которая, по словам автора пьесы, «...была, что называется, герой-баба», которая «в удали не отставала от казака».

Кроме того, обладая красивой наружностью, сводила с ума знать горскую, а, обладая женским коварством, многих из них заводила в безвыходное положение».

Как и в случае с казачкой Чичихой, Дарью Фенёву упомянули в своем разговоре хопёрские казаки, которые собирались идти на берег Кубани в ночной секрет. Этот секрет, казак-нарядчик (он назначал, «наряжал» казаков на сторожевые посты) собирался поставить перед тем местом на Кубани,

Что помните взапрошлый год,
Дашута порубив черкесов,
Коней переводила вброд.
Ему ответил один казаков, по имени Калина Гмыря:
Кому ж и знать обо всем этом,
Как не мне – ее соседу,
Хоть дело было под секретом,
Но я слышал их всю беседу.
Слышал я, как Каплан-Гирей,
Абреком он уж был в те поры
Тихонечко так молвил ей:
«Поедем, Дашенька, к нам в горы.
Ты баба видная собой,
Дородна, не чета другим,
Мы, назвав тебя княжной,
В гарем султану отдадим.
Султаншей первою ты будешь,
В шелку и золоте ходить,
Себя ты челядью окружишь,
В садах тенистых станешь жить.
На хрустале, серебре и злате
Тебе трапезу подадут,
Уснешь ты на пуху и вате,
Где нужно йти – там понесут».
Вот тут-то баба разомлела,
С башлыком бурку надела,
На коня вскочила лихо
И помчалась, словно вихорь.
Ему ответил казак Данило Серодед:
Иш как бабу разобрало –
Невтерпеж, скорей скакать.
Тогда Калина Гмыря добавил:
Свое-то дело она знала.
Дай-ка до конца сказать.
А уж за нею татарва,
Что откормлены борова:
Тот услугу ей окажет,
Тот словцо на ушко скажет,
Иной ей сладко улыбнется,
Иной близехонько прижметя.

Ну вот те справди, не на шутку –
 Султаншей сделали Дашутку.
 Ведь татарва до русских жен,
 Что мухи к меду падки:
 За ласки сулят миллион,
 Татарские лапатки!»
 Данило Серодед:
 Оно того... И бабы наши,
 Все сродни вот этой Даши.
 Калина Гмыря:
 Дашутка... Что и говорить –
 Убила этих шесть неверных,
 Еще ловчится сто убить
 Ей хватит на век этих скверных.
 Да как убила. Без уловки,
 Как будто сами ей поддались...
 Эх вы, умные головки!
 Не знали, видно, с кем связались...

В конце этого разговора казак Серодед, который в Баталпашинской «был не тутний доможил», а родом из станицы Круглолесской, которая недавно стала станицей из крестьянского села, удивленно посетовал:

Да, на Кубани я не жил,
 А ведать мне про это надо,
 Чтоб справно службицу нести.
 Вишь, тут уж не казак, а баба
 Черкесов рубит по шести...

4. Гаврилычами на Кубани в добродушную шутку называли донских казаков...

В этот раз речь пойдет о том, как служили на Кубанской Линии, на Баталпашинском кордонном участке, полки донских казаков. Здесь, на этом отрезке кубанской границы, полки донцов служили свою кавказскую службу практически 60 лет – с конца 1790-х годов и до середины 1850-х.

И, надо сказать, что служили донцы на Линии по-разному. Так, в начале XIX века, особенно в 1810-е годы, они вынесли на своих плечах основную тяжесть кордонной службы (количество линейных станиц и линейных казаков тогда было незначительно), не раз проявляя лихость и доблесть в схватках с «закубанскими народами». Но потом, начиная с 1820-х годов, ситуация изменилась не в лучшую сторону – воинская слава донцов на Кавказе, как и вообще военные навыки всего Донского Войска, стали стремительно меркнуть [5, с. 90-98]. Как раз об этом времени и повествует очередной фрагмент пьесы Василия Чикова.

Итак, идет неспешный разговор линейных казаков Хопёрского полка. Один из них – Демьян Иванович Борисенко (по-станичному Дёмка; и, как писал В. Чиков, все личности, имена и прозвища в пьесе он списал с реальных казаков-хопров), упомянул, как один «Гаврилыч» (пояснение от В. Чикова – «Гаврилычами на Кубани в добродушную шутку называли донских казаков») ехал «по казенной надобности»:

Намедни ехал со цидулкой
 Гаврилыч на своем чубаром.
 Не знаю – занят он был думкой,
 Иль просто был он под угаром;
 Развесил повода, как дуги,
 В таком же виде и подпруги,
 Шапчонка взята, не встряхнута,
 И голова к гриве пригнута.
 Другой казак, в ответ, справедливо возмутился над донцом:
 Ах, он тюря! Ах, он кваша!
 Ах, он гречневая каша!

Отколь возьмется кикимора.
Мора для срама и позора.
Третий казак добавил:
А я бы в случае таком
Назвал его Хомой, Пантюхой.
По мне, коль сел... Коль на коня...
Так будь, что сокол в вышине.
Что сиз орел там в синей дали.
Дружно поругав донца, казаки стали слушать дальше рассказ Демьяна Ивановича, который поведал, как этот донец потом встретился в поле с «черкешеном»:
Вот едет он в такую пору;
Диво бы ночью или в гору.
Нет. Самым преудобным бытом
И днем, и в поле он открытом.
Вдруг слышит – стук вдали раздался
И – в спину, что кузнец ковал.
Вот тут герой наш отозвался
И что есть мочи заорал:
«Да кто ко мне там привязался?»
То есть донец-«герой» получил от кого-то удар по спине, после чего:
Проснулся, значит, малый
А уж проснувшись – расхрабрился.
Даже в амбицию вломился
И стал куда казак удалый...
Поход закончил он счастливо:
Чубарый выручил с беды,
С испуга – хватать, и еле жива
Привез Гаврилыча сюды.
Насилушку с коня ссадили...
Водой студеной напоили;
Вот тут-то он пришел в себя.
Вдоволь насмеявшись над донцом, казаки спросили рассказчика: «А кто-ж стучался позади?» и получили следующий ответ:
Черкешен сзади был.
Да в холод руки скоченели,
Он казака и не срубил,
А только иней сбил с шинели...
После новой порции усмешек, хопёрцы сделали следующий вывод:
Донцов, соколики, не чудить:
Был рассказ про одного;
В семье ж не без уroda будет,
Хоть возьмите вы кого.
Донцы видали много видов,
И год двенадцат лёг на них:
А граф Платов, Орлов, Давыдов,
Красновы, Греков, Миловидов, –
И много там еще других.
Те не дремали на коне
И повода не распускали;
А в лихолетье, на войне
С французом, себя показали.
А Ермак, сам Тимофеич?
О нем уж, что и говорить.

Урал, да Кама – частка, мелочь:
 Сибирь сумел всю покорить.
 А сами кто мы? Чье отродье?
 Чья кровь течет по жилам нашим?
 А мы все в один голос скажем:
 В нас кровь течет Хопра и Дона,
 Мы отпрыск славных казаков,
 Сыны казачества лихого,
 Потомки дедов и отцов.

5. И помни заповедь святую – умри, а выручи брат брата...

В этом, последнем фрагменте пьесы, мы узнаем, как хопёрские казаки станицы Баталпа-шинской готовились сами и проверяли надежность своего оружия перед выходом на кордон-ную службу.

Казак-нарядчик:
 Гляди, черкесы промелькнут –
 Дай знать: мол, тешатся канашки;
 И в случай к вам направят путь,
 То стрелять и с гиком в шашки.
 Казак Семен Комарь:
 Перед уходом во секрет
 Обязан я вас осмотреть –
 У всех и всё-ль у вас исправно.
 Порядок службы такой сдавна.
 Надежно-ль ружья заряжены.
 В подсумках справны ли патроны.
 Газыри-ль пороха полны.
 И остро-ль шашки точены.
 Казак Калина Гмыря:
 Ружье заряжено мушкетом,
 Патрон обернут весь бурметом.
 Готов газырь хоть сей же миг битва,
 А шашка остра, ровно бритва.
 Казак Данило Серодед:
 Ружье заряжено в два хлеста,
 Патроны сыпаны по мерке,
 Газыри были на проверке,
 А шашкой взмах – и жизни баста!
 Казак-нарядчик:
 Еще дослушай мой приказ:
 С ружья стреляйте без промашки,
 Наверняка и один раз,
 А повершать дела на шашки.
 Без крика, шума, а в немую,
 Как тигр, как лев, как вепрь зубата.
 И помни заповедь святую –
 Умри, а выручи брат брата.

К этому фрагменту В. Чиков дал следующие пояснения: «Ружье заряжено мушкетом» – лучший порох того времени назывался мушкетом, «патрон обернут весь бурметом» – бурмет, это была плотная ткань, ее пропитывали воском и заворачивали в нее патроны, которые в те времена изготавливались из бумаги. Вот эта-то бурметовая клеенка предохраняла патрон и порох в нем от сырости и порчи.

Этой же клеенкой оборачивалась нижняя наружная часть ножен шашки, чем предохранялось острие самой шашки от сырости, а вместе с тем и от ржавчины. В нужных случаях клеенка

эта служила факелом. Прежде строго запрещалось приделывать к ножнам шашки металлические наконечники, потому что кроме излишней тяжести своей он служит задержкой влаги, а, следовательно, и дает ржавчину острию шашки».

От себя мы добавим следующее пояснение – «Ружье заряжено в два хлеста» – то есть надо было забить заряд в ствол двумя мощными и резкими движениями шомпола, не более. А потом, «без промашки, навверняка и один раз» стрелять, после чего, как закубанские черкесы, вынимать шашки и «в немую», как «вепрь зубатый», бросаться в схватку.

В заключении мы скажем, что пьеса В.Чикова насыщена и другими, не менее интересными случаями вроде того, как урядник Ларионов «в роли глухонемого» и в сопровождении есаула Соколова, «природного горца, который владел многими местными наречиями и часто командировался в немирные аулы с разными поручениями», ездил за Кубань, «чтобы отыскивать там своего дядюшку Алексея Ларионова, взятого в плен».

Примечания:

1. Приказ атамана М.Бабыча по Кубанскому казачьему войску № 339 от 24 ноября 1910 года.
2. Чумаченко В.К. Гаврила Васильевич Доброскок (Материалы к биографии) // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1996. № 1. С. 17-22.
3. Чиков В. Е. Хопёрцы в пору завоевания Кубани: военно-бытовые картинки. Екатеринодар, 1915 // Литература Кубани. Хрестоматия для 5-11 классов средней школы. / Сост. Панаэтов О.Г. Краснодар, 1995. С.56-75.
4. Колесников В.А. Донцы на Кубани. К 200-летию со дня основания Григориполисской, Темнолесской и Воровсколесской станиц. Ставрополь, 1995.
5. Захаревич А.В., Скиба К.В. О донских казаках, служивших на Кубанской Линии в 1790-1830-х годах // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – IX. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 2016. С.90-98.

Н.С. Степаненко
(г. Краснодар)

НОВЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА БЕГЛОГО ХОРУНЖЕГО ПЕТРА ПОТАПОВА

Бегство линейных казаков к «непокорным» горцам в середине XIX века было нередким явлением для того времени. В государственных архивах Краснодарского и Ставропольского краёв нами был обнаружен целый ряд дел, в которых были зафиксированы обстоятельства побегов казаков. Многие из них являлись выходцами из станицы Лабинской. Перечислим имена и фамилии казаков, истории побегов которых сохранились в той или иной степени: Николай Разсветаев, Дмитрий Шеховцов, Артамон Долматов, Андрей Бочаров, Иван Ханин, Яков Тынянский, Семён Атарщиков, Пётр Потапов. Судьбы этих казаков описаны нами в различных статьях, и в том числе опубликована история хорунжего Петра Потапова [1]. Казак бежал за Лабу в 1853 году, так как он опасался наказания за то, что горцы угнали большое стадо скота, за которое он нёс ответственность, будучи воинским начальником станицы Михайловской. Во время недавней работы в Российском государственном военно-историческом архиве нами были найдены документы, касающиеся дела беглого хорунжего, а именно его прошение на имя некоего Александра Иосифовича [2]. Данный документ интересен тем, что непосредственный участник тех событий подробно описывает обстоятельства своего побега, жизнь в горах и возвращение на родину.

Беглый хорунжий начал своё повествование со слов глубокого раскаяния: «Пред Богом, царем и Отечеством своим я грешник, но грешник, раскаивающийся в своём проступке» [2, л. 5]. Кроме офицерского чина Пётр Потапов имел орден Святой Анны 4-й степени с надписью за храбрость. В этом чине он постоянно заведовал сотнями и станицами по Лабинской линии. Наконец, в один день, хорунжего вызвал бригадный командир полковник Войцыцкий. Прибыв в штаб, он был арестован. Условия ареста для Петра Потапова были не строгими. Возможно, за счёт своего влияния или наличия хороших знакомых ему удалось раздобыть алкоголь. В состоянии опьянения хорунжий решил на побег в горы. Вот как сам казак описывает те события: «Там [в штабе – Н.С.], по слабости своей для подкрепления физических и моральных сил отправился выпить горячего